

Ж.-Г. Таламони
«СОПЕРНИЧЕСТВО ПАМЯТИ»
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ НА КОРСИКЕ (1914–2014)*

УДК 94 (449.45)

ББК 63.3(4Фра 7)

В период между двумя мировыми войнами (1918–1939) политическая и литературная жизнь на Корсике стала ареной конфликта между «корсистами», испытывавшими ностальгию по периоду независимости (1755–1769), и должностными лицами администрации и профранцузски настроенными чиновниками, которые решительно выступали против любых форм автономии. Обе стороны, участвовавшие в конфликте, пытались по-своему интерпретировать прошлое и манипулировать им. Если «корсисты», прославляли фигуру генерала Паскуале Паоли, главу независимой Корсики в XVIII в., то профранцузски настроенные участники спора предпочитали ему Сампьеро Корсу — персонаж XVI в., который был союзником французов. Одним из инструментов этого противостояния было поминовение павших. Статья представляет собой пример оригинального анализа в духе историко-политической лингвистики речи корсиканского националиста П. Рокки, произнесенной при открытии монумента борцам за независимость острова в 1925 г. Опираясь на теоретические положения М. Хальбвакса, П. Нора и Б. Андерсона, автор выявляет инструменты, с помощью которых П. Рокка актуализировал события 1769 г. при Понте Нову, придав им не историческое, но политическое звучание, и, апеллируя к коллективной памяти корсиканцев, создал тем самым «воображаемое национальное». Автор не только знакомит читателей с особенностями трансформации исторической памяти корсиканцев на протяжении XX в., но и вводит их в контекст современного политического и литературного противостояния на острове Корсика.

Ключевые слова: *национальная память корсиканцев, «воображаемое национальное», история Корсики, П. А. Паоли, корсиканский национализм*

После Первой мировой войны политическая и литературная сферы деятельности на Корсике стали ареной конфликта между, с одной стороны, «корсистами», испытывавшими ностальгию по периоду независимости (1755–1769) и предлагавшими вернуть острову национальные атрибуты, и, с другой стороны, должностными лицами администрации и профранцузски настроенными чиновниками, которые решительно выступали против любых форм автономии. Этот конфликт отразился в публикациях газет и журналов, а также в литературе, издававшейся как на корсиканском, так и на французском языке. Обе стороны, участвовавшие в конфликте, пытались по-своему интерпретировать прошлое и манипулировать им. Они апеллировали к великим личностям в истории Корсики: если «корсисты», естественно, прославляли

фигуру генерала Паскуале Паоли, главу независимой Корсики в XVIII в., то профранцузски настроенные участники спора предпочитали ему Сампьеро Корсу — персонаж XVI в., который был союзником французов. Одним из инструментов этого противостояния было поминовение павших. В 1920-е гг. во многих странах торжественно открывались мемориалы, посвященные Великой войне. Подобные события имели место и на Корсике: они должны были напоминать об общих жертвах и способствовать укреплению связей между островом и Францией. Но в 1925 г. «корсисты» при большом стечении народа открыли памятник в честь битвы при Понте Нову (1769), в которой национальные войска противостояли войскам короля Франции, причем это сражение ознаменовало собой конец независимости острова. С тех пор корсиканские националисты ежегодно — вплоть до сегодняшнего дня — проводят подобное мероприятие. Тексты — в стихах и в прозе, — которые произносятся по данному случаю, обращены к предкам, павшим за корсиканскую независимость. Так поддерживается противоборство между двумя «воображаемыми национальными

*Жан-Ги Таламони — руководитель группы Свободная Корсика (Corsica Libera) в корсиканской Ассамблее, исследователь в сфере историко-политической лингвистики (Корсика, Франция)
 E-mail: jeanguyotalamoni@gmail.com*

* Перевод с французского И. Е. Харлова, научный редактор русской версии — д.и.н. В. Н. Земцов

сущностями»¹ — французами и корсиканцами. На основе анализа текстов мы пытаемся показать, как происходит формирование «воображаемого национального».

Битва при Понте Нову часто упоминается в корсиканской литературе. Но наиболее показательной и значимой — как в историческом плане, так и в литературном и в политическом — является, безусловно, речь, которую произнес во время открытия монумента 3 августа 1925 г. Пьетро Рокка, директор газеты «*A Muvra*», лидер партии «корсистов» — *Partitu Corsu d’Azzione* (PCA)² и президент Комитета по организации увековечения памяти героев. Анализ именно этого текста будет главным элементом нашего исследования.

«Эсхатология наоборот» и милосердие

Centu cinquanta sei anni or sonu chì a Corsica hà persu, in un solu ghjornu, un’ indipendenza cunquistata cù tamanti sacrificii. È l’acque di Golu, durente un seculu è mezu anu francu l’arche sacre, senza pudè lavà a macula rossa di quellu sciaguratu nove di maghju 1769, è senza chì l’ombre affannate di quelli chì casconu sott’à u piombu sintessinu sussurà u dolce vampu di a ricunnuscenza.

Ma oghje, sopr’à l’amarezza di u ricordu, u segnu di Cristu stende e so bracce di gloria è di misericordia.³

«Вот уже 156 лет минуло с того дня, как Корсика потеряла независимость, завоеванную столь великой ценой. В течение полутора столетий воды реки Голо омывают священные арки моста, но никак не могут смыть красное пятно, оставшееся от того рокового дня 9 мая 1769 г., и скорбные тени тех, кто пал тогда от пуль, еще не слышали шепот сладкого порыва признания.

Но сегодня, когда мы с горечью вспоминаем тот день, Иисус распростер свои объятия в славе и милосердии».

Первые фразы торжественной речи воскresают в памяти горестные события, которые ознаменовали окончание независимости Корсики. Учитывая то, что на церемонии открытия памятника были представители церковной и светской власти, которые не разделяли его взглядов на будущее острова, П. Рока

не мог открыто заявить об итогах французского присутствия на Корсике. Однако вместе со своими соратниками по «*A Muvra*» он каждую неделю посвящал этому длинную газетную колонку, и поэтому вряд ли кто-то не услышал, как прозвучали теперь его слова «роковой» и «горечь»: поражение при Понте Нову стало началом эпохи бед и упадка Корсики. Этот литературный оборот напоминает то, как средневековая хроника Джованни делла Гросса повествовала о гибели корсиканского предводителя Арриго Бель Миссера в 1000 г:

*l’continente Idio facie miracolo: se udì una voce per l’aria per tutte le serre e ville di Corsica che disse : E morto il Conte Arrigo bel Misser. E fù portato il Conte Arrigo e li suoi sette figlolini morti, e interrati a la pieve di Cauro a l’incontrata di maggio l’anno 1 000 dopoi la natività di Nostro Signore. E dopo di la morte dil Conte Arrigo bel Misser Corsica non hebbe bene ne si crede che havrà mai.*⁴

«И здесь Бог совершил чудо: они услышали голос, разнесшийся по всем горам и селам Корсики, который говорил: «Граф Арриго Бель Миссер умер». Граф Арриго и его 7 детей были убиты и похоронены в приходе Кауро в начале месяца мая года 1 000 от рождества Христова. После смерти графа Арриго Бель Миссера Корсика уже не была счастливой и, кажется, уже никогда таковой не будет».

Антуан Казанова говорит об этом событии как об «эсхатологии наоборот <...> смерть Арриго Бель Миссера выглядит как своего рода точка отсчета нового времени — времени бед, угнетения и феодальных междуусобиц».⁵ Он упоминает «драматические события», происшедшие в мае 1000 г., и «основателя реверсивной эсхатологии», уточняя при этом: «Ужасное злодеяние, совершенное по отношению к графу, влечет за собой и означает конец Доброго Порядка. <...> С этого времени, как решил Господь, начинается разгул беспорядков и бедствий...»⁶ Что касается первого «драматического события», корсиканцам пришлось искупить вину за гибель

¹ Anderson B. *L’imaginaire national*. Paris, 2002. P. 23.

² Корсиканская партия действия.

³ *Almanaccu di A Muvra per 1926*. Ajaccio, 1926. P. 35.

⁴ Grossa G. della. *Croniche*. Bastia, 1910. P. 71; Giacomo-Marcellini M., Casanova A. *Chronique médiévale corse*. Ajaccio, 1998. P. 70.

⁵ *Pensée paysanne, histoire sociale et récits des chroniqueurs (le cas du Corse Giovanni della Grossa) // Les genres et l’histoire, XVIIIe — XIXe siècles (II)*. Paris, 1981. P. 90.

⁶ *Ibid.* P. 103.

Арриго и его детей. Но как это можно связать с событиями, происшедшими восемь веков спустя у Понте Нову? По всей видимости, посредством проявленной по отношению к тем и другим погибшим людям неблагодарности («...senza chì l'ombre affannate di quelli chì casconu sott'à u piombu sintessinu sussurà u dolce vampu di a ricunnuscenza»). И факт поминовения их, «заглаживающий» эту несправедливость, открывает путь божественной милости («...u segnu di Cristu stende e so braccce di gloria è di misericordia»). Произнесенная по этому случаю речь Пьетро Рокки должна была служить перформативной функции: благодаря тому что на смену неблагодарности по отношению к погибшим при Понте Нову приходит уважение к ним; эти смерти позволяют открыть для Корсики новую эпоху, но теперь уже под знаком божественного милосердия.

«Кладбище отчизны»

Oghje, sopr'à u campusantu di a patria, s'innalza a croce bianca di a pietà.

Oghje, l'assassinati di tandu, s'accorgenu chì l'arcipurfiglioli ùn si sò dimenticati di l'eroichi babboni, i cispreri in pilone di de Paoli!

Morti di Pontenovu, morti nostri! Vichjaconi di u Curtinese o giuvanelli pumuntichi! Eroi senza paru chì, à la nova di u sbarcu d'i rigimenti frisciulati di Luigi di Francia, aviate cintu a carchera è intuppatu a scuppetta! Martiri nostri! Voi chì, senza speranza d'onori o di gradi o di soldi maladetti, sete accorsi suttu a bandera à testa di moru per risponde à l'alta superbia di u standardu à fior' di gliu, vi riveremu.⁷

«Сегодня на кладбище отчизны возвышается белый крест Милосердия.

Сегодня убийцы поняли: праправнуки не забыли героев-предков, стрелков, одетых в piloni⁸ Паоли!

Погибшие при Понте Нову, наши мертвые! Старики и молодые корсиканцы! Непревзойденные герои, герои, которые, узнав о высадке пестрых полков Луи Французского, подпоясались патронной сумой и схватили мушкеты! Наши мученики! Вы, кто, не надеясь ни на

славу, ни на почести или деньги, помчались под знаменем с головой мавра,⁹ дабы ответить на высокомерную надменность штандарта с королевской лилией, мы чтим вас».

«Кладбище отчизны», упомянутое Пьетро Роккой, — это и есть, безусловно, то «общее достояние», которое позволяет, согласно Барресу,¹⁰ идентифицировать нацию. И прекрасно видно, как в эпоху между двух мировых войн две «воображаемые национальные сущности» — французы и корсиканцы — соперничают в одном и том же: воздвижение креста у Понте Нову напоминает появление множества других монументов погибшим, установленных в общинах до 1919 г. Антрополог Жорж Рави-Джордани занимался исследованием ритуалов коллективного погребения (нового для той эпохи), которые состояли в сооружении памятников погибшим в 1914–1918 гг. Он указывал на отличие этих церемоний от «ритуалов древности»¹¹ (прежние ритуалы были по природе своей частными: они организовывались большими семьями в связи со смертью сородича). Ситуация в случае с церемонией у Понте Нову была иной. В отношении ее исследователь говорит об особом «сочетании религиозной и гражданской церемоний», причем новый ритуал отмечен «заметным присутствием духовенства, которое исполняет реквием в церкви или у алтаря, возведенного перед памятником, и освящает памятник».¹² Воздвижение креста у Понте Нову отличалось и другим моментом: организованное светским комитетом, открытие монумента проходило в присутствии выборных должностных лиц (муниципальных мэров и советников), в том числе служителей церкви, в первую очередь епископа Аяччо — Монсеньора Симеона.¹³ Другая черта нового ритуала, открытая Жоржем Рави-Джордани (который отмечал, что «всё здесь противоречит традиционному выражению скорби»), заключалась в следующем: «Прежде всего, главная роль в выражении скорби

⁷ Almanaccu di A Muvra per 1926. P. 35.

⁸ Pione — это плащ из очень толстого сукна с большим капюшоном, который спускается на глаза. Эта одежда, часто используемая пастухами, была исключительно теплой. В новелле Проспера Мериме «Коломба» героиня восклицает: «Как мне жаль бедных бандитов в такую грозу! Хорошо еще, что у них хорошие pione...» (Mérimee P. Romans et nouvelles. Paris, 1951. P. 522).

⁹ Речь идет о своеобразном корсиканском флаге — «Голове мавра», — который считается знаменем независимости острова. (Примеч. ред.)

¹⁰ Баррес М. (Barrés M.) (1862–1923), известный французский писатель, журналист и политический деятель, певец индивидуальной свободы и национализма. (Примеч. ред.)

¹¹ Honorer les morts, parler aux vivants: le discours au monument aux morts // Etudes Corses. N°70. 2010. Octobre. P. 155.

¹² Ibid. P. 156.

¹³ См. об отношении к событиям: Manfredi P. Sullenne inaugurazione di a Croce di u Ricordu in Pontenovu, u 3 Agostu 1925 // Almanaccu di A Muvra per 1926. P. 33.

у памятников павшим отводилась не женщинам, но мужчинам <...> *Voceru*¹⁴ было делом семейным; очень часто было так, что богослужение совершала женщина из семьи... но речь у памятника павшим, наоборот, произносилась мужчинами, которые представляли большую общину: мэра, главный советник, депутат...»¹⁵ Церемония у Понте Нову была полностью проведена мужчинами, которые прочли все речи и которые представляли нечто большее, чем просто «большая община»: здесь были члены комитета, доктор Дель Пеллегрини — второе лицо в Аяччо, епископ...»¹⁶ Как можно видеть, Организационный комитет, президентом которого был Пьетро Рокка, последовательно отбирал те же формы, на которые ориентировались французские организаторы так называемых официальных поминовений. В этом отношении разве церемония у Понте Нову не была официальной благодаря присутствию епископа и депутатов? По всей видимости, это был очень умный ход, имевший все же своей целью противопоставить национальные корсиканские традиции и символы традициям и символам французов. Если же на процесс посмотреть более широко, то можно увидеть, что несколькими годами позже будет сделана попытка создать «корсиканский гимн» — *U Culombu*.¹⁷ Без сомнения, Пьетро Рокка и его сторонники полагали, что традиционный гимн, посвященный Деве Марии (*Dìu vi salvi Regina*), из-за религиозных коннотаций вряд ли мог быть использован в сложившейся ситуации соперничества как своего рода оппозиция *Марсельезе*.

Итак, мы взглянули на церемонию с точки зрения траурных ритуалов и выяснили, что происходил переход от частного к коллективному, от семейного к публичному, и это повлекло за собой частичную секуляризацию ритуала. Более того, новый ритуал способствовал созданию национального светского гимна — *U Culombu*.

Обратившись к речам, произнесенным в память о погибших, можно пойти и дальше в нашем анализе и выявить разницу между, с одной стороны, открытием памятников погибшим в 1914–1918 гг. и, с другой стороны, открытием памятника при Понте Нову и церемонией с гимном *U Culombu*. В первом случае, как это

подчеркивает Жорж Рави-Джордани, «речь была обращена к живым, к опечаленным семьям, к школьникам...»¹⁸ Умерших здесь не было: «памятник павшим строится на факте их физического отсутствия».¹⁹ В нашем же случае все происходило наоборот (как в традиционных *voceru*), т. е. оратор говорил с мертвыми: «Непревзойденные герои... подпоясали патронную суму... <...> Вы, кто, не надеясь ни на славу, ни на почести...» Еще более значимы поэтические строки, которые читал поэт Луччарди на той же церемонии: «*Morti di Ponte Novu, aiò currite! <...> Aiò, ritti è cuntenti! L'ora hè ghjunta...*»²⁰ (Павшие у Понте Нову, идите, маршируйте! <...> Идите, счастливые! Час пришел...). И в гимне *U Culombu* мученики также оживают: «*Da la so tomba, l'antenati, / <...> Tutti à la luce sò turnati, / Accolti da l'altu fervor*» (Предки в своих гробницах, / <...> Все вернулись к свету, / Ведомые великим рвением). Здесь «воображаемое национальное» выступает в полную силу.

От поминовения павших к политическим действиям

Жорж Рави-Джордани в заключении к своему труду, в котором он анализировал речи при открытии монументов павшим в 1914–1918 гг., останавливается на конкретном значении церемоний подобного типа: «...это не призыв к мести, мир установлен, Франция победила». При этом он замечает, что «памятник павшим призван прославлять живых людей, которые принадлежат, вероятно, к “враждующим” семьям: объединенные совершившейся общей жертвой... они ожидают, что живые примирятся». Тем самым исследователь берет на себя смелость и выдвигает следующую дерзкую гипотезу: «Можно даже позволить себе задаться вопросом, не звучат ли эти церемонии в социальном пространстве похоронным звоном по вендетте. Они, в любом случае, представляют собой современный вариант стирания практики вендетты». Если нам будет позволено задаться вопросом о правомерности такой гипотезы, можем ли мы сказать даже сейчас, сто лет спустя, что подобные практики исчезли. В любом случае ясно, что открытие памятников павшим в 1914–1918 гг. имеет своей целью символическое «закрытие» мирового конфликта и более тесное

¹⁴ *Vocero* — корсиканская заупокойная песня.

¹⁵ *Honorer les morts...* P. 157.

¹⁶ См.: Manfredi P. *Op. cit.*

¹⁷ Эта песня, написанная Пьетро Роккой, так и не получила статус гимна.

¹⁸ *Honorer les morts...* P. 157.

¹⁹ *Ibid.* P. 158.

²⁰ *À i Morti di Pontenovu // Almanaccu di A Muvra per 1926.* P. 37.

сплочение деревенских общин. В своем эссе по исторической антропологии «Саррола 1914–1918. Корсиканская деревня в Первой мировой войне» Шарли Галибер пишет: «Возведение памятников павшим объединяет и одновременно символизирует непрерывность деревенской идентичности... в своего рода миниатюрной репрезентации: в каменной стеле просматривается “эстетика” смысла “быть вместе” и “жить вместе”, преодолевая капризы истории...».²¹

Что касается монумента павшим при Понте Нову, он также говорит о сплочении, правда не деревни, а всей корсиканской общины вокруг общей памяти о жертвах солдат Паоли. При этом видно существенное отличие: здесь не стоит вопрос о «закрытии» эпохи войны (хотя с того момента, как французы захватили Корсику, прошло уже 150 лет). Движение происходит в диаметрально противоположном направлении: предпринимается попытка воскресить в памяти воспоминания о конфликте, который без подобных усилий может оказаться забытым, причем делается это способом, который, по мнению большинства корсиканцев, является релевантным истории. В противном случае этот период истории оказался бы стертым из памяти, но не столько из-за времени, сколько из-за положения Корсики в рамках Франции, как в 1870 г., в 1914 г., так и на протяжении ряда колониальных конфликтов (напомним, что в то время, когда происходила анализируемая нами церемония, на Корсике очень внимательно присматривались к развязыванию Рифской войны).²² Это говорит о том, что церемония открытия монумента павшим при Понте Нову, несмотря на внешнее сходство с церемониями, которые происходили в то же время в островных коммунах, по природе своей отличалась от них. В то время как, по замечанию Робера Коселлека, «политический культ памятников погибшим иссякает, как только последние выжившие умирают»,²³ инициаторы церемонии при Понте Нову создают по прошествии 150 лет со дня битвы новый «политический культ»! Здесь церемония заключалась не в символическом окончании войны, а прямо в противоположном — в открытии, не менее

символическом, нового конфликта. Безусловно, этот конфликт не должен был принять вооруженную форму: Пьетро Рокка и его сподвижники отказались от подобных предложений Пауло Орсоли.²⁴ Тем не менее, нельзя отрицать и того, что открытие памятника в Понте Нову и речь, произнесенная по данному случаю П. Роккой, вызвали к жизни достаточно много политических событий. Что же касается мотива мести, о котором Жорж Рави-Джордани сказал, что он отсутствует в речах при открытии монументов павшим в 1914–1918 гг., то интересно выяснить, присутствует ли он в церемонии при Понте Нову. Кажется, нет ничего более определенного, чем то различие, которое мы почувствовали между словами Жоржа Рави-Джордани относительно монументов павшим в 1914–1918 гг. и тем фактом, что Корсика вышла из франко-корсиканской войны не «победительницей», а побежденной: речь на церемонии при Понте Нову пронизана патристическими призывами, часть которых пропитана явными мотивами мести: «*Abbassu i Vitto-li!*»²⁵ (Долой предателей!).

Рождение литературного жанра

Напомним о трех видах речи, которыми оперировал в своей риторике Аристотель, — о речи судебной, совещательной и показательной (эпидейктической). Последняя отличается от двух других своей целью — похвалить или осудить — и своими методами, которые направлены на поиск внешней, формальной красоты, а не на поиск аргументов. В речи у памятника павшим при Понте Нову все было как в заупокойной молитве, и она определенно относится к эпидейктическому жанру. Действительно, все характерные черты жанра в тексте речи присутствуют:

— хвалебные или уничижительные выражения с использованием гиперболы («*Eroi senza pari*» ‘непревзойденные герои’);

²¹ Galibert C. Sarrola 14–18. Un village corse dans la Première Guerre mondiale. Ajaccio, 2008. P. 471.

²² Следует обратить внимание особенно на то, какое место отводит «Le Petit Bastiais» этой войне в своих номерах за август 1925 г.

²³ Les monuments aux morts comme fondateurs de l'identité des vivants // Revue de métaphysique et de morale. Paris, 1998. N° 1. P. 60.

²⁴ У Пауло Орсоли, сотрудника «А Муфта», начиная с 1921 г., была особая история: получив три ранения и пять благодарностей в 1914–1918 гг., несколькими месяцами позже он оказался связан с ирландскими революционерами И. де Валера. В 1921 г., вернувшись на Корсику, он снова присоединился к коллективу «А Муфта», но у «партизана, действующего без промедлений, напрямую, были разногласия с руководством РСА и с дирекцией «А Муфта», которых он упрекал в том, что они замкнулись исключительно на культурных и доктринальных действиях» (Yvia-Croce H. Vingt années de corsisme: 1920–1939; chronique corse de l'entre-deux guerres. Ajaccio, 1979 P. 184). Покинув «А Муфта», он ушел сражаться на стороне Абд аль-Крима. Он умер перед Тазой во главе рифской роты (см.: Manfredi P. Un grandolu // A Mufta. 1925. 26 juillet).

²⁵ См. Manfredi P. Sulenne... P. 36.

— противопоставление, антитеза (скромность корсиканских солдат («*senza speranza d'onori o di gradi*» 'не надеясь ни на славу, ни на почести') высокомерию французских войск («*l'alta superbia di u standardu à fior' di gigliu*» 'надменность штандарта с королевской лилией'); это противопоставление обнаруживается и в описании одежды «стрелков, одетых в *piloni*», в сравнении с «пестрыми полками Луи Французского»;

— лирический регистр речи, когда оратор позволяет себе поддаться эмоциям («*Morti di Pontenovu, morti nostri! <...> Martiri nostri!*» 'Погибшие при Понте Нову, наши мертвые! <...> Наши мученики!').

На примере данной речи видно, как корсиканский язык без труда проявляет себя в риторических формах, которые получили широкое распространение со времен античности. Создание этого нового литературного жанра не связано с каким-либо одним примером, поскольку в ту же эпоху были написаны первый роман и первая драма на корсиканском... Развитие литературы, в свою очередь, оказало большое влияние на политическую жизнь Корсики и на память народа.

*Восприятие текста и события*²⁶

Как мы уже увидели, церемония при Понте Нову явилась не просто литературным текстом в прозе и в стихах. Она также стала, что гораздо более важно, событием политическим, исторический характер которого был ясно выражен (фактически создан) Пьетро Роккой и его соратниками. Действительно, газета «*A Muvra*» отвела этому событию значительное место на своих страницах. Интересно посмотреть, как другие органы печати и политические силы, называемые традиционалистскими, отреагировали на эту церемонию. Возьмем, к примеру, газету «*Le Petit Bastiais*» — орган, сочувствующий ландристам,²⁷ хранивший молчание после церемонии, на которой, между прочим, присутствовало немало народа. Номера газеты за 3 и 4 августа (понедельник и вторник) не поместили никакого

материала, посвященного открытию памятника, так же как и номер от 5 августа. В номере от 6 августа не было ни одного упоминания Понте Нову (если только это не реклама «*Pontenovo*», хинного вина, производимого Домом Буржуа!). В воскресенье, 9 августа, на первой странице была представлена информация не об одном, а о двух памятниках (с фотографиями) — о тех, что были установлены на плато Лоретт и Тьепваль в честь битвы при Сомме! И снова ничего про Понте Нову... Пришлось ждать номера от 25 августа, чтобы обнаружить «на первой странице» важную статью «*Pontenovu*», которая представляла собой ответ — хорошо продуманный — на открытие памятника и на речь Пьетро Рокки. Статья была подписана А. Амбрози. Речь идет об Амбруазе Амбрози, одном из известных интеллектуалов, чьи «исторические взгляды [были] целиком на стороне Франции и направлены на оправдание ее присутствия на острове».²⁸

Первые слова статьи передавали то настроение, которое было создано певцами французской Корсики при открытии Понте Нову: «Из того, что Корсика игнорирует этот военный инцидент, теперь хотят сделать трагедию, в которой потонула корсиканская независимость!» Здесь прекрасно видно — и автор это понимает, — что молчания «*Le Petit Bastiais*» и других «традиционалистских» газет не достаточно для того, чтобы церемония прошла незамеченной. Он понимает это и отвечает «ораторам 3 августа», сожалея о том, что они не «стремятся к исторической правде и к повышению образованности жителей острова». Достаточно сопоставить первые фразы из текстов Рокки и Амбрози, чтобы констатировать, что второй текст представляет собой ответ первому: когда директор «*A Muvra*» провозглашает идею о том, что независимость была потеряна «за один день», его оппонент отвечает, что это был просто «инцидент», из которого «теперь хотят сделать трагедию, в которой потонула корсиканская независимость». Амбрози настаивает на слове «инцидент» («Я отчетливо говорю:

²⁶ Напомним, что «коллективное восприятие события» проявляется в том, что «явление сравнивается с явлениями такого же порядка, ассоциируется с прошлым и будущим, создает контекст, в котором можно говорить о причинах, так же как и о результатах и последствиях» (Quéré L. *La sociologie à l'épreuve de l'herméneutique: Essais d'épistémologie des sciences sociales*. Paris, 1999. P. 190).

²⁷ Странники Адольфа Ландри (1874–1956), корсиканского политика радикальных взглядов, который занимал множество выборных и министерских постов.

²⁸ Эжен Герарди в «Историческом словаре Корсики» писал, что А. Амбрози, агреже по истории и географии, был «родом из семьи Кастинета ди Ростино, которая прославилась во время войн за независимость XVIII в.», и что позиции, которые она занимала, заслужили «суровые оценки сторонников автономии из «*A Muvra*», как своего рода ренегатские». (Ambrosi, Ambroise // *Dictionnaire historique de la Corse*. Ajaccio, 2006. P. 43). «*A Muvra*» называла эту семью «*Vittolo-Ambrosi*», связывая ее с родом Виттоло, который, согласно хронике-ру Филиппини, предал Сампьеро (см.: *Cose è altre // A Muvra*. 1922. 26 février).

инцидент»), которое он четырежды повторил в статье! Что касается причин столкновения, то Рокка называет в первую очередь «*l'offesa di a vendita è l'inghjulia di a compra*» ('оскорбление продажей и унижение покупкой').²⁹ В то время как Амбрози пишет о «недопонимании», которое можно было бы избежать «при немного большем дипломатическом благоразумии со стороны Паоли и при немного большем терпении со стороны Шуазёля», Рокка говорит о «*a risposta di Pasquale*» ('ответе Паскуале' Паоли). Амбрози задается вопросом о поведении «Генерала нации»: «Почему он упрявился? Не от досады ли?» Этот простой вопрос бросает вызов статусу незаурядного человека, за которым Амбрози признавал между тем несколькими строчками выше выдающиеся качества («очень образованный, хорошо воспитанный и, прежде всего, пылкий патриот»), спеша, тем не менее, добавить, что он человек не такого масштаба, чтобы он смог «полностью освободить свою родину», поскольку не поднялся до уровня осознания «большой родины»... Как можно видеть, Амбрози оспаривает саму идею независимости Корсики при генеральстве Паоли — независимости, воспеваемой Пьетро Роккой, которую, со своей стороны, представляет как «мечту, немного химеричную, о корсиканской республике XVIII века!» Но контраст между двумя текстами наиболее очевиден в описании поведения корсиканских солдат. Рокка говорит о почитании «мучеников», павших «*a cispra in manu*» ('с ружьем в руке'). Что же касается Амбрози, то он не колеблясь пишет такое, что многие должны были счесть кощунством: «...Понте Нову, где несколько партизан попытались остановить французский авангард, но вынуждены были поспешно отступить...»³⁰ Здесь Амбрози осознанно нападает на наиболее важный элемент национального корсиканского сознания, еще достаточно живой элемент коллективной памяти, способный привести 3 августа 1925 г. множество людей на места сражений... Для тех, кто узнал себя в речи Пьетро Рокки, конец статьи Амбрози, безусловно, показался лицемерным. Он пишет: «Они могли, они должны были помнить этот день, ког-

²⁹ Имеется в виду продажа Корсики Генуей и покупка ее Францией.

³⁰ Эта фраза относится не просто к частному моменту битвы. Используемые автором термины, якобы для «объективного» описания маневра выхода из боя, оставляют впечатление очень неблагоприятное: «спешно отступили». Автор давал себе отчет в том, какой эффект эти слова произведут на читателя.

да много наших соотечественников умерли за мечту» — а уже следующая фраза проясняет истинный смысл высказывания: «...несправедливо использовать в качестве предлога долгое злопамятство по отношению к Франции... нашей великой родине с 1789-го...»

Великие фигуры в истории: Сампьеро против Паоли

На данном этапе анализа отчетливо видно, что мы имеем дело не с историей как таковой, а преимущественно с действиями политического характера. Памятная церемония при Понте Нову являлась для «корсисстов» наступлением, хотя и без объявления войны, наступлением, увенчавшимся успехом в плане воздействия на общественное мнение. Выбор события для поминовения был сделан обдуманно (последняя битва за независимость), и это был именно тот выбор, который оспаривает Амбрози, о котором он пишет как о простом «инциденте», ничего не изменившем в ходе событий. По-видимому, Амбрози не очень хорошо понимает, что значит организация подобной церемонии в тот момент, когда Корсика и Франция празднуют вместе победу и вспоминают жертвы 1914–1918 гг. С обеих сторон это было в высшей степени политическим актом, поскольку: «поминовение — есть сохранение памяти о доминирующем событии, это его сакрализация...».³¹ Говоря о великих людях в истории Корсики, Рокка выбирает генерала Паоли, героя борьбы за независимость; Амбрози же, со своей стороны, как бы незаметно затрагивая этот вопрос, отдает предпочтение фигуре Сампьеро (он цитирует его дважды), который стал символом, по его мнению, многовековой воли Корсики или, по мнению других корсиканцев, «аннексии их страны Францией». Чтобы добавить своей позиции весомости, Амбрози цитирует Жуван-Петро Гаффори,

³¹ Mairet J. Le discours et l'historique: essai sur la représentation historique du temps. Mame, 1974. P. 45. Мы можем привести недавний пример — в особенности значимый — подобной проблематики. В 2007 г., когда отмечалось двухсотлетие смерти Паскуале Паоли, было решено открыть мемориальную доску в честь Генерала нации. Бурная полемика имела место среди представителей сил, верных корсиканскому национализму, и тех, кто примыкает к французским «республиканским» муниципалитетам. Первые хотели, чтобы мемориальная доска акцентировала период независимости, вторые — чтобы она была посвящена прекрасному французскому периоду и периоду президентства, краткому у Паоли, и Директории — предтечи Генерального совета. (См. дебаты в специальной комиссии под руководством первого заместителя мэра: Ange Rovere. 2007. le 26 févr.).

согласно которому эта аннексия была только политическим актом (аргумент в конечном счете довольно сомнительный).³² В конце концов, наряду с «разжалованием» образа Паскуале Паоли, Амбрози говорит о позиции «Babbu di a Patria»³³ в момент Французской революции, т. е. 20 лет спустя после Понте Нову, следующее: «Он впоследствии должен был одобрить завоевание [Корсики] и подтвердить, что франко-корсиканский союз был благом».

За фигурами Паоли и Сампьеро просматривается определенный политический смысл, очень актуальный в 1920-е гг. Вплоть до наших дней Паоли будут прославлять в многочисленных текстах, и в прозе, и в стихах. Что же касается Сампьеро, то его в первую очередь будут воспевать все желающие подчеркнуть его профранцузскую лояльность. Так, Жуван Петро Луччарди сложил о нем поэму «*Sampieru Corsu*» (с посвящением «*u scìu Petru Rocca, Direttore d'A Muvra*» («*Пьетро Рокка, директор «А Мувра», прочь!*»³⁴), а Мэстраль³⁵ посвятил ему свое знаменитое «*Innu*»:³⁶

Babbu fù di la Corsica antica,
Cù lu sangue ne hà scritt'un bel' fogliu
«Он был отцом древней Корсики
И кровью вписал в нее прекрасную страницу»

Что касается других великих фигур корсиканской истории, то у Амбрози находим отсылку к Гаффори, которого автор без колебаний отправляет в профранцузский лагерь. Воспоминания о первых руководителях корсиканской революции (Джиафферри, Секкалди и др.) слегка стерлись в первую половину XX в. Только Наполеон Бонапарт, напротив, «вездесущ»: Абель Ганс именно тогда «возвращает» его в Аяччо благодаря своему фильму «*Napoléon*» (1927).³⁷ Если император специально не прославляется корсиканцами — и это понятно, — он, тем не менее, фигура, охраняемая всеми сторонниками Франции, которые понимают, что в данном случае речь идет прежде всего о

республиканских местах памяти. Но на практике все сложнее: так, во время церемонии открытия памятника при Понте Нову «*A Muvra*» акцентировала внимание, и не без удовлетворения, на «важной делегации Центрального комитета бонапартистов, руководимой президентом Марку Салини...»,³⁸ а также на присутствии доктора Дель Пеллегрини, главного представителя бонапартистов в Аяччо, «*delegatu d'a municipalità*»³⁹ («делегата от муниципалитета»)… Наконец, в речах говорилось о Самбукуччу,⁴⁰ который в ту эпоху воспринимался неоднозначно. Действительно, его упрекали в том, что он внес большой вклад в захват Корсики Генуей в середине XIV в. Сюжет этот тем более деликатный, что в эпоху между двух войн свои притязания на Корсику итальянцы демонстрировали достаточно открыто. Хотя разные авторы и давали негативные оценки деятельности генуэзской администрации, они предпочитали молчать о тех, кто помогал ей. Вполне логично поэтому, что Амбрози, бичуя в своей статье завоевания генуэзских «тиранов», все же, не опасаясь попасть в ситуацию *история против фактов*, считает, что без французского завоевания Корсика возвратилась бы под власть Генуэзской республики. Наряду с авторами, выражающими точку зрения политически обдуманную и сложившуюся (для которых с одной стороны — архетип *паолиста* Рокки, а с другой — *сампьериста* Амбрози), есть и такие, кто находит себя узниками этих противоречий, будучи разделенными между патриотической культурой Корсики и французским лоялизмом (Луччарди), впрочем есть и те, чье отношение более или менее изменчиво (А. Казанова).

С политического поля битвы в литературное: «соперничество памяти»

Текст, к которому мы обратились, особым образом демонстрирует взаимодействие между литературным и политическим полями. Во время церемонии при Понте Нову в 1925 г., посвященной соединению двух веков, предпосылки «возрождения» Корсики уже созрели: это произошло в тот самый момент, который Пьетро Рокка и его соратники безошибочно выбрали, чтобы начать атаку...?

³² Жуван-Петро Гаффори (1704–1753) был важным персонажем в борьбе против генуэзцев, которые, в свою очередь, смогли «организовать» его гибель.

³³ Отец Нации (корсик.). Так сторонники независимости Корсики называют Паоли. (Примеч. ред.)

³⁴ Talamoni J.-G. Antulugia bislingua di a literatura corsa. Ajaccio, 2008. P. 124.

³⁵ Мэстарль (Maistrale) (1872–1950), псевдоним корсиканского поэта Доминика Антонио Версини (Versini). (Примеч. ред.)

³⁶ Innu à Sampieru Corsu // Giuventù. 1923. 9 août.

³⁷ Ганс, Абель (Перетон Э. А.) (1889–1981), известный французский кинорежиссер, создатель эпохального фильма «Наполеон» (1927). (Примеч. ред.)

³⁸ Almanaccu di A Muvra per 1926. P. 34.

³⁹ Ibid. P. 41.

⁴⁰ Самбукуччу д'Аланду (Sambucucciu d'Alandu), известный персонаж истории Корсики XIV в., предводитель антифеодалного восстания 1357 г. (Примеч. ред.)

Как в политическом, так и в символическом плане эта атака увенчалась успехом: возникло «соперничество памяти», необходимое «корсистам», которые стремились к смещению в рамках общественных институтов разных подходов к пониманию французского патриотизма. В остальном же поминовение при Понте Нову, как мы видели, не было лишено официальности: в церемонии участвовали представители высших органов власти и церкви (не присутствовали только представители государственных органов, хотя юридически мэры и являются полноценными представителями государства).⁴¹

В литературном плане «соперничество памяти» также являет собой настоящую битву: мы видели в качестве доказательства этого содержание издания 1926 г. «*L'Annu Corsu*», профранцузского конкурента «*A Muvra*» на литературном пространстве Корсики. Известно, что на тот момент литературное поле, созданное в начале XX в. через превращение корсиканского языка в язык печатный, было разделено между «корсистами» и профранцузски настроенными «лоялистами», и демаркационная линия между ними воплощалась в деятельности «*A Muvra*» и «*L'Annu Corsu*».

В номерах «*L'Annu Corsu*» за 1926 г. невозможно найти ни одной статьи, относящейся к церемонии при Понте Нову,⁴² в которой руководство журнала (Поль Арриги и Антуан Бонифачо) не участвовало.⁴³ В то же время там

⁴¹ Отметим, что основной принцип воздвижения памятника было нелегко отстоять. Парижский комитет («*comité Fontana*») предложил чествовать два лагеря, французский и корсиканский (см.: Yvia-Croce H. Op. cit. P. 139). В номерах за январь–февраль 1925 г. «*Revue de la Corse*» поддерживала похожий проект (N 31, «*Le monument de Ponte-Novu*»). Обратим внимание на то, что данный журнал — это издание... Амбруаза Амбрози!

⁴² В «*L'Annu Corsu*» за 1926 г. можно найти аллюзию на битву в новелле Пьера Доминика «Отец» («*Le Père*») (опубликована в «*La Revue du Siècle*» и переиздана в «*L'Annu Corsu*». 1926. P. 162). Эта новелла, вероятнее всего, была написана до церемонии 1925 г., поскольку автор вкладывает в уста одного из своих персонажей следующие слова: «Вы туда идёте, к Понте-Нову? <...> Нет? Эх! ладно, дорогой мой, представьте себе пустынный овраг цвета опустошенной любви, гигантскую пустую гробницу? и там внутри ни памятника, ни надписи, даже нет креста!» Дирекция «*L'Annu Corsu*», без сомнения, прошла мимо этих нескольких строчек, но Пьер Доминик сделал очень прозрачным то, к чему именно относилась подобная ремарка. Известный писатель той эпохи, он был представлен как «выдающийся соотечественник, лауреат премии Бальзака» (*L'Annu Corsu*. 1926. P. 158).

⁴³ В противоположность таким авторам, как Жуван-Петро Луччарди, который, несмотря на заявления о своей привязанности к Франции, продолжает сотрудничать с двумя противоборствующими группами, или Мэстраль, который в 1925 г. пока еще не разорвал отношения с Пьетро Роккой.

можно прочитать, во-первых, про открытие памятника на аэродроме Бюка в честь летчика Жана Касаля, корсиканского героя войны 1914–1918 гг. (1926. P. 13), во-вторых, хвалебную статью, посвященную А. Амбрози (1926. P. 8), наконец, длинную историческую хронику во славу... Сампьеро и его отрядов, которые характеризуются как «корсиканско-французские» (1926. P. 6)! Как видно, церемонии при Понте Нову места не нашлось...

Ситуации, подобные той, что была на Корсике в 1920-е гг., и отразившие «соперничество памяти», стали основой для концепций «мест памяти» (Пьер Нора) и «коллективной памяти» (Морис Хальбвакс), породивших понятия, и по сей день отражающие обжигающую реальность на острове. Начиная с 1970-х гг., с развитием современного корсиканского национализма, значимость «соперничества памяти» еще больше возросла. Если фигура Сампьеро несколько отошла на второй план (это правда, что в историческом плане профранцузское «возвращение», символом которого он был в 1920-х гг., сейчас воспринимается как нечто крайнее), то фигура Паоли становится сегодня объектом всеобщего внимания, причем настолько, что двухсотлетие со дня его смерти в 2007 г. дало повод к «поминовению пережитого соперничества»,⁴⁴ согласно формуле Пьера Бертончини. По его мнению, «СТС,⁴⁵ Генеральный совет Верхней Корсики, националистические организации, университет Корсики борются за то, чтобы быть единственными легитимными наследниками *babbu di a patria*».⁴⁶ Со своей стороны, Жан-Луи Фабьяни говорит о факте «воображаемой антропологии», отмечая при этом «какофонию мест памяти и то, что события вокруг церемонии на месте битвы при Понте Нову воспринимаются чересчур остро».⁴⁷ Не остается ничего другого, как сравнивать существующую сегодня ситуацию с той конфликтной ситуацией, которая имела место в 1920-е гг., и констатировать значительную эволюцию: ныне «соперничество памяти» имеет отношение только к паолизму и никоим образом не связывается с какой бы то ни было фигурой, символизирующей французскую Корсику. Этот факт можно соотнести с переменами

⁴⁴ Bertoncini P. Le spectre de la mémoire de Pascal Paoli: Territoire, patrimoine et culture en Corse // *Anthropologie du monde occidental*. Paris, 2011. P. 157.

⁴⁵ Collectivité Territoriale de Corse 'Территориальная общность Корсика'.

⁴⁶ Bertoncini P. Op. cit. P. 192.

⁴⁷ Жан-Луи Фабьяни, руководитель исследования в Высшей школе социальных наук. Bertoncini P. Op. cit. P. 192.

в национальном движении Корсики в начале XXI в. Морис Хальбвак отметил: «...коллективная память — по сути, восстановление прошло-

го... она приспособливает образы давно минувших событий к вере и духовным потребностям настоящего».⁴⁸

Jean-Guy Talamoni

Leader Free Corsica (Corsica Libera) in the Corsican Assembly (Corsica, France)

E-mail: jeanguytalamoni@gmail.com

“MEMORY COMPETITION” AND ITS POLITICAL MEANING ON CORSICA (1914–2014)

During the period between the two world wars (1918–1939) the political and literary life on Corsica became an arena of conflict between the “Corsicans” entertaining nostalgic feelings over the period of independence (1755–1769) and the administration officials and the pro-French bureaucrats strongly resisting any type or form of autonomy. Both parties participating in the conflict tried to offer their own interpretation of the past and manipulate it. While the “Corsicans” glorified the figure of General Pasquale de' Paoli, the head of the independent Corsica in the 18th century, the pro-French participants of the dispute preferred Sampiero Corso — a personage of the 16th century who was an ally of the French. One of the instruments in this conflict was the commemoration of the fallen soldiers. The article sets an example of an interesting analysis in the style of historico-political linguistics of the speech of a Corsican nationalist P. Rocca at the opening of the monument to the fighters for the island's independence in 1925. Using the theoretical ideas suggested by M. Halbwachs, P. Nore, and B. Anderson the author identified the tools with the help of which P. Rocca actualized the events of 1769 at Ponte Novu filling them with political rather than historical meaning, and, appealing to a collective memory of the Corsicans created in so doing the “imagined national”. The author in addition to introducing the readers to the specifics of transformations of historical memory of the Corsicans over the 20th century, also put them into the context of modern political confrontation on the island of Corsica.

Key words: *national memory Corsicans, “national imaginary”, the story of Corsica, P. A. Paoli, Corsican nationalism*

REFERENCES

- Anderson B. *L'imaginaire national. La Découverte* [The national imagination. Discovery]. Paris: La Découverte, 2002, 213 p. (in French).
- Bertoncini P. *Anthropologie du monde occidental* [Anthropology of the Western World]. Paris: L'Harmattan, 2011, 228 p. (in French).
- Galibert C. *Sarrola 14–18. Un village corse dans la Première Guerre mondiale* [Sarrola 14–18. A Corsican village in World War I]. Ajaccio: Albiana, 2008, 158 p. (in French).
- Gherardi E. *Dictionnaire historique de la Corse* [Historical Dictionary of Corsica]. Ajaccio: Albiana, 2006, p. 43. (in French).
- Giacomo-Marcellesi M., Casanova A. *Chronique médiévale corse* [Corsican medieval chronicle]. Ajaccio: la Marge, 1998, 481 p. (in French).
- Holbwachs M. *La topologie légendaire des Evangiles en Terre Sainte: étude de mémoire collective* [The legendary topology of the Gospels in the Holy Land: a study of collective memory]. Paris: PUF, 1941, 171 p. (in French).
- Mairet J. *Le discours et l'historique: essai sur la représentation historique du temps* [The speech and history: an essay on the historian's representation of time]. Mame: Maison, 1974, 235 p. (in French).
- Mérimée P. *Romans et nouvelles* [Fiction]. Paris: Gallimard, 1951, 843 p. (in French).
- Pensée paysanne, histoire sociale et récits des chroniqueurs (le cas du Corse Giovanni della Grossa)* [Thought peasant, social history and stories columnists (if the Corsican Giovanni della Grossa)]. *Les genres et l'histoire, XVIIIe XIXe siècles (II)* [Genres and history, XVIII–XIX centuries (II)]. Paris: Les Belles Lettres, 1981, 207 p. (in French).
- Quéré L. *La sociologie à l'épreuve de l'herméneutique: Essais d'épistémologie des sciences sociales* [Sociology test of hermeneutics: Tests epistemology of social sciences]. Paris: l'Harmattan, 1999, 216 p. (in French).
- Ravis-Giorrdani G. *Honorer les morts, parler aux vivants: le discours au monument aux morts* [Honoring the dead speak to the living: the speech at the War Memorial]. *Etudes Corses*, № 70, 2010, Juin, pp. 155–162. (in French).
- Talamoni J.-G. *Antulugia bilingua di a literatura corsa* [Antulugia bilingua of literature on race]. Ajaccio: DCL, 2008, 243 p. (in Italian).

⁴⁸ Holbwachs M. *La topologie légendaire des Evangiles en Terre Sainte : étude de mémoire collective*. Paris, 1941. P. 9.